

УДК 902.01

А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: anui1@yandex.ru

**РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ
ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА РУБАС-1) ***

Статья посвящена результатам археологических работ на памятнике Рубас-1 (Табасаранский р-н, Республика Дагестан) в 2006–2012 гг. Был исследован нижний комплекс артефактов (сл. 5) на площади около 200 кв. м., получена коллекция из 147 отдельных кремней с признаками антропогенного воздействия различной степени выраженности. Согласно предварительным стратиграфическим оценкам возраста эти материалы соответствуют мелкоорудийным комплексам начальной поры палеолита и являются одними из древнейших на Кавказе, относясь к раннему плейстоцену (1,8–2,0 млн л. н.). Они характеризуются простейшими техниками расщепления и дроблением породы, частым использованием для изготовления орудий нескольких основ, малыми размерами и типологической неустойчивостью орудийных форм. Раннепалеолитические материалы памятника Рубас-1 позволяют рассматривать Северо-Восточный Кавказ как один из очагов развития доашельских микроиндустрий.

Ключевые слова: Дагестан, ранний палеолит, мелкоорудийные комплексы, плейстоцен, морские трансгрессии, палинология, палеонтология.

Приморский Дагестан представляет собой узкую (до 30 км) полосу третичных и раннечетвертичных отложений, протянувшуюся с юго-востока на северо-запад. С востока он огражден Каспийским морем, с запада – известковыми хребтами мелового возраста. В орографическом отношении подразделяется на две обособленные части: прибрежную равнину и область предгорий, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе [Голубятников, 1940].

Первые сведения о существовании палеолита на этой территории получены М. З. Паничкиной в конце 30-х гг. XX в.

(сборы у с. Геджух) [Замятнин, 1950]. Дальнейшие поиски палеолитических местонахождений осуществлялись в 50–60-е гг. XX в. В. Г. Котовичем. В ходе работ на территории предгорной зоны им было обнаружено около десятка местонахождений с поверхностным залеганием археологического материала, в том числе 3 пункта с каменными изделиями палеолитического облика. Наиболее древние артефакты найдены на местонахождении Чумус-Иниц (среднее течение р. Дарвагчай) и предварительно датированы В. Г. Котовичем ашельским и мустьерским временем [1964]. В дальнейшем основное направление археологических

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ: НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН»; соглашение № 14.B37.21.0007 «Основные особенности миграционных процессов на территории Северной Азии в эпохи камня и палеометалла».

изысканий было перенесено им в Центральный Дагестан, а территория прибрежной равнины и предгорий долгое время оставалась за пределами внимания специалистов по каменному веку.

Новый этап исследования палеолита в этих районах Дагестана начался в 2003 г. и связан с работами совместной экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИА РАН под общим руководством академика А. П. Деревянко [Деревянко и др., 2004]. В ходе археологических исследований последних лет в бассейнах рек Дарвагчай и Рубас было открыто более 20 памятников палеолита, в том числе несколько многослойных стратифицированных объектов. Хронологический интервал обнаруженных и изученных индустрий охватывает все основные этапы древнего каменного века – от ранних стадий нижнего палеолита, маркирующих время первоначального заселения Кавказа, до рубежа среднего – верхнего палеолита. В ходе этих работ был выявлен принципиально новый для территории Старого Света район присутствия раннепалеолитических мелкоорудийных индустрий, что позволяет включить кавказский регион в зону появления и распространения этих специфических ассамбляжей [Деревянко и др., 2009].

Мелкоорудийные / микролитические индустрии раннего палеолита привлекали большое внимание и вызвали много вопросов у специалистов, занимающихся наиболее древними этапами каменного века еще со времени первых находок, сделанных в Вертешселеше [Vértesszőlős..., 1990]. В первую очередь это было связано с тем, что данные комплексы не в полной мере соответствовали традиционным представлениям о развитии каменных технологий в палеолитическое время. За прошедшее время мелкоорудийные ассамбляжи, первоначально выглядевшие как некий уникальный культурный феномен, зафиксированы во многих регионах Старого Света, хронологически перекрывая все основные этапы древнего каменного века. На территории Евразии они распространены от Центральной Европы до Китая, в хронологическом интервале, примерно, от 1 млн до 300 тыс. л. н. Основными районами, где зафиксированы раннепалеолитические мелкоорудийные индустрии, являются Ближний Восток (Бизат Рухама и др.), Центральная Европа и Апеннинский полуостров (Вертешселеш, Изер-

ния-ля-Пинета, и др.), Средняя Азия (Кульдара и др.) и Северный Китай (Дунгуто и др.) [Lower Palaeolithic Small Tools..., 2003; Burdukiewicz, 2003; Деревянко, 2009].

На территории Приморского Дагестана микролитические комплексы раннего палеолита были обнаружены недалеко от Дербента на двух стратифицированных памятниках – Дарвагчай-1 и Рубас-1. Археологический материал на обеих стоянках связан с древними прибрежно-морскими отложениями, соответствующими различным трансгрессивным этапам истории Каспийского моря [Деревянко и др., 2009]. Согласно естественно-научным данным, нижний комплекс находок местонахождения Рубас-1 в настоящий момент является наиболее древним свидетельством присутствия раннепалеолитических микролитических индустрий на территории Евразии, а их возраст сопоставим с самыми ранними свидетельствами выхода древних гоминидов за пределы африканского континента. Это позволяет утверждать, что без учета новой информации о древнейших археологических индустриях Дагестана наши реконструкции начальных этапов освоения человеком территории Евразии будут неполными. Данная статья посвящена результатам комплексного изучения раннепалеолитического комплекса артефактов местонахождения Рубас-1, поведшихся на протяжении семи последних лет.

Памятник Рубас-1 локализован в среднем течении р. Рубас (Табасаранский район), по правому берегу, в теле древнего оползня, в настоящее время имеющего вид 28-метрового террасовидного уступа (рис. 1). Стационарное изучение памятника начато в 2006 г. На склоне участка «террасы», где расположена стоянка, была заложена разведочная траншея шириной 2 м, состоящая из нескольких уступов общей протяженностью 28 м и имеющая максимальную глубину до 18 м от дневной поверхности. На глубине около 16 м от дневной поверхности, в тонкой (до 10 см) линзовидной гравийно-галечной прослойке с примесью обломков раковин моллюсков (сл. 5), обнаружен комплекс раннепалеолитических кремневых изделий [Деревянко и др., 2006].

В 2007–2012 гг. работы на местонахождении были продолжены. Культуросодержащий горизонт изучался в 2007–2011 гг. смежными участками (раскоп 1) общей

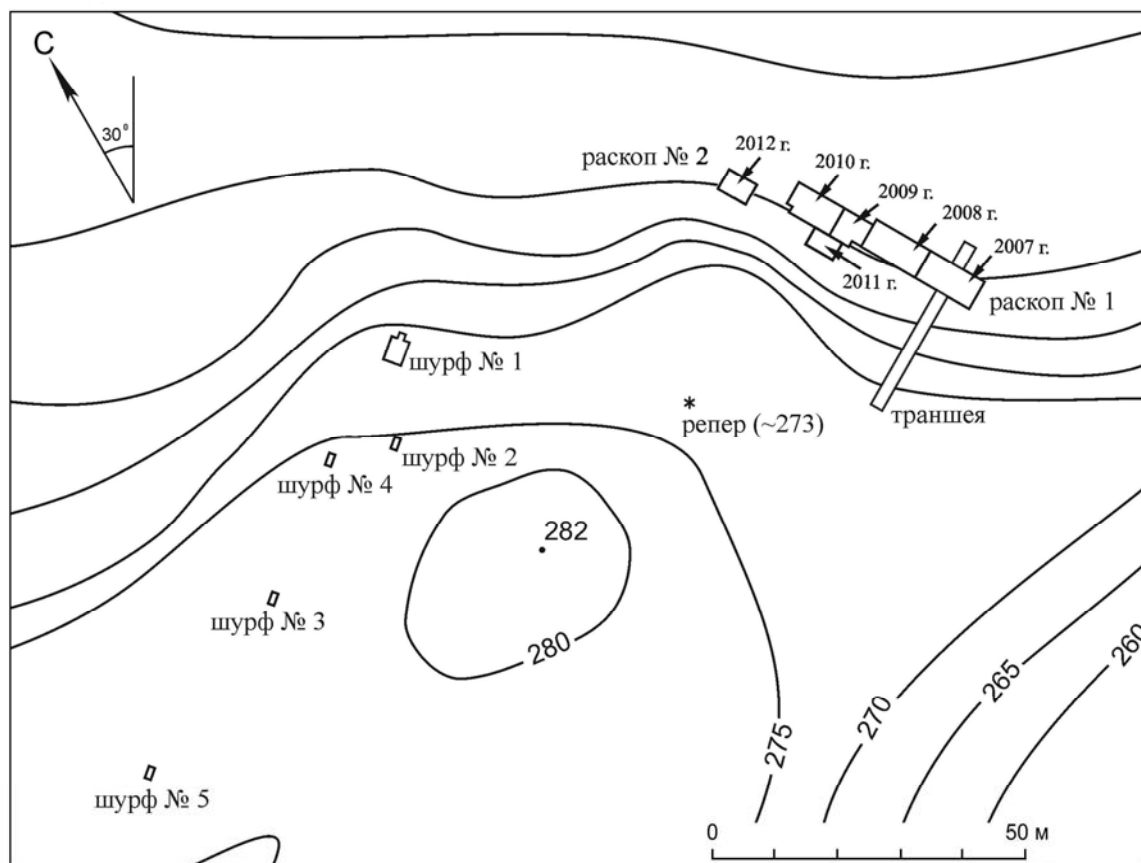

Рис. 1. План-схема памятника Рубас-1

площадью 194 кв. м., включая участок, вскрытый разведочной траншеей 2006 г. В результате раскопок в общей сложности обнаружено около 3 000 отдельностей кремня, из которых 133 определены как артефакты и возможные артефакты [Деревянко и др., 2009; 2011].

В 2012 г. работы на памятнике проводились на новом участке (раскоп 2) площадью 40 кв. м., расположенном в 20 м к северо-западу от северного угла раскопа 1. Перенос места работ диктовался ситуацией на объекте, а именно направлением простирания культуросодержащего горизонта 5 и наличием большого количества глубоких трещин в рыхлых отложениях на участке склона, прилегающего к раскопу 1, что связано с угрозой обвала стенок, учитывая глубину вскрышных работ (до 8 м).

Сводный стратиграфический разрез памятника состоит из следующих литологических подразделений (рис. 2, а) [Деревянко и др., 2009]:

В основании разреза залегают горизонтально-слоистые темно-серые глины (сл. 6). Осадки морского генезиса предположительно имеют миоценовый возраст. На глинах с большим хронологическим разрывом залегает нижний культуросодержащий слой (сл. 5), представленный гравийно-галечной прослойкой мощностью до 0,4 м, с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем. Слой 5 перекрывают мелкозернистые карбонатные пески светло-коричневого цвета с прослоями светлых желтовато-коричневых глин, в которых встречаются отпечатки листьев и стеблей травянистых растений (сл. 4); мощность ~ 8 м. Выше, с большим хронологическим разрывом, залегают гравийно-галечно-валунные отложения речного генезиса, местами слабо сцементированные до конгломерата (сл. 3). Встречаются невыдержанные по простиранию прослои желтовато-рыжего песка (до 0,4 м); мощность ~ 3,5–3,8 м. В слое присутствует археологический материал среднепалеоли-

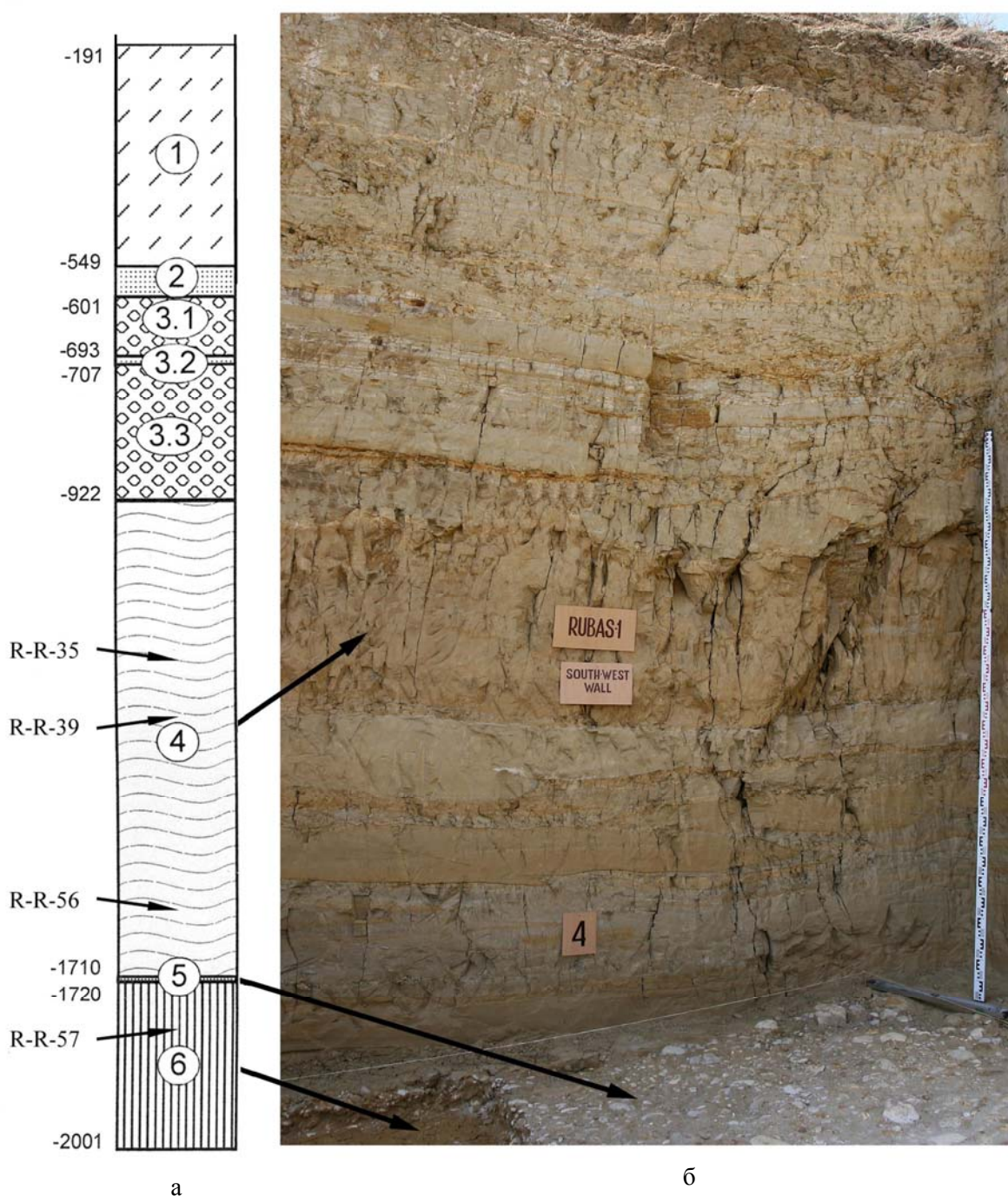

Рис. 2. Сводная стратиграфическая колонка памятника Рубас-1 (по траншее 2006 г.) с примерным расположением палинологических образцов (R-R) относительно друг друга (а) и фрагмент юго-западной стенки раскопа 1 (участок 2009 г.) (б); стрелками показаны соответствующие литологические тела на стратиграфической колонке и на фотографии

тического облика. Галечники перекрывает аллювиальный песок с прослоями светло-серого алевролита (сл. 2). Мощность ~ 0,3–0,6 м. Венчает разрез пачка светло-коричневых супесчано-суглинистых отложений сложного генезиса (совокупность коллювиальных, делювиальных и эоловых процессов) – сл. 1.

В слое выявлено несколько уровней залегания каменных артефактов, относящихся к финалу среднего – верхнему палеолиту; мощность – до 4 м.

Анализ разреза позволяет выделить четыре разновозрастные пачки [Лещинский и др., 2009] (рис. 2, б). Пачка 1 (сл. 6; тор-

тонский век) представляет собой илы шельфа (глубина вод от 20 до 200 м). Пачка 2 (сл. 5 и 4; позднеакчагыльское время) сформирована в субаэральных и субаквальных (на глубинах от 0 до 15 м – пляжная, предфронтальная и переходная зоны) условиях морского побережья. Пачка 3 (сл. 3 и 2; поздний (?) неоплейстоцен) – речной аллювий. Пачка 4 (сл. 1; поздний неоплейстоцен – голоцен) – субаэральные образования. Обоснование возраста отложений базируется на совокупности геологических и палеонтологических данных. Так, в подошвенной части сл. 4 было обнаружено большое количество раковин и створок остракод хорошей сохранности, редкие фораминиферы (*Rotalia beccari* (Linne) и др.) и гастроподы. Доминанты среди остракод: эвригалинные *Cyprideis littoralis* (Brady) и *Cyprideis punctillata* (Brady). Другие виды – солоновато-пресноводные формы: *Limnocythere* aff. *luculenta* Livental, *Limnocythere tenuireticulata* Suzin, *Candona abichi* Livental, *Ilyocypris bradyi* Sars, *Eucypris* aff. *puriformis* Mandelstam. Наиболее важно присутствие в слое значительного количества *L. tenuireticulata* Suzin и *L. aff. luculenta* Livental. Первый вид появляется в акчагыльское время и для него типичен. Распространение второго – с акчагыльского до бакинского времени, где он угасает. Вид *C. punctillata* (Brady) известен в отложениях миоцена – апшерона. Раковины акчагыльских видов *C. abichi* Livental и *E. aff. puriformis* Mandelstam имеют признаки локального переноса. *C. littoralis* (Brady) и *I. bradyi* Sars – виды широкого распространения. Таким образом, состав остракод и литология осадков позволяют предполагать, что осадконакопление сл. 4 происходило в опресненных прибрежных водах акчагыльского моря [Лещинский и др., 2009. С. 147].

В ходе работ с полного разреза памятника Рубас-1 была отобрана серия образцов на спорово-пыльцевой анализ, который выявил крайне низкую концентрацию пыльцы в отложениях, часто не превышающую 30 зерен в образце, при их удовлетворительной сохранности (определения Н. А. Рудой). Два наиболее информативных образца из сл. 6 (R-R-57) характеризуются преобладанием в спектрах пыльцы древесных таксонов (сосна *Pinus* sg. *Pinus*, граб восточный *Carpinus orientalis* и береза *Betula*) и отсутствием пыльцы маревых и полыни. Анализ поверх-

ностных спорово-пыльцевых спектров показал, что пыльца *Carpinus orientalis* и *Betula* имеет тенденцию отлагаться локально и не переносится на большие расстояния, в то время как пыльца сосны может являться результатом дальнего заноса. Таким образом, можно предполагать распространение в описываемый период в окрестностях памятника широколиственных лесов. Анализ образцов, полученных из сл. 4 (R-R-35, R-R-39, R-R-56), показывает доминирование здесь пыльцы древесных таксонов с небольшим преобладанием пыльцы трав вверх по разрезу (*Artemisia*, *Chenopodiaceae*, *Asteroidae*), что может указывать на распространение открытых ценозов в это время в окрестностях памятника. В этой же пробе обращает на себя внимание большое количество хламидоспор эндомикоризного гриба *Glomus*, который является показателем почвенной эрозии. Возможно, накопление слоя происходило в прибрежной зоне, характеризующейся эрозионными процессами [Деревянко и др., 2008].

Палинологический состав образцов из отложений сл. 4 ближе всего палинокомплексам «мезофитного» типа, который сопоставляется с верхнеакчагыльским палинокомплексом серии МПК-6ак Восточного Закавказья и Западной Туркмении [Филиппова, 1997]. Для Восточного Предкавказья также выделен близкий комплекс с доминированием *Juglandaceae*, *Quercus*, *Fagus*, *Pinus*, *Picea*, *Abies*, *Tsuga*, *Ulmus*, *Alnus*, *Carpinus* и разнотравьем [Найдина, 1991; Рудая, 2012].

Таким образом, суммарная информация, полученная методами естественных наук, позволяет предполагать, что археологический материал, зафиксированный в сл. 5, накапливался в субаэральных и субаквальных условиях морского побережья (пляжная и предфронтальная зоны), при этом в береговом ландшафте преобладали залесенные участки. Хронологически время формирования культуросодержащего слоя соотносится с финальной стадией акчагыльской трансгрессии Каспийского моря и, согласно принятым стратиграфическим схемам, имеет возраст $\approx 1,8-2,0$ млн л. н.

Древнейший археологический комплекс памятника связан со сл. 5. Среди угловатых обломков кремня, представленных в незначительном количестве в гравийно-галечной составляющей слоя (основная масса пред-

ставлена обломками известняка и песчаника), некоторые предметы имеют признаки искусственной обработки. Диагностика изделий затруднена сильной «сглаженностью» поверхности предметов, что, скорее всего, связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, в которых формировался слой, и особенностями самого кремневого сырья (сильная внутренняя трещиноватость, следствием которой были частые случаи природного раскалывания отдельностей кремня и образование по их краям участков с «естественной» ретушью) (см. выше). В ходе работ 2006–2012 гг. было обнаружено более 3 000 экз. кремня. Окатанные обломки в основном имеют размеры до 5 см, хотя встречаются единичные экземпляры до 20–25 см по длинной оси. В общей сложности 147 экз. кремня имеют признаки искусственного расщепления. Сохранность и облик предметов определили разделение коллекции на две группы по степени выраженности антропогенного воздействия. Артефакты первой группы представлены сколами, теми орудийными формами, которые легко диагностируются, имеют типологическую привязку и четкую системность обработки, а также нуклевидными формами с прослеживающейся системой подготовки ядрища и негативами серии целенаправленных снятий. Изделия второй группы представлены нуклевидными обломками, а также фрагментами сколов, обломками и осколками, вторичная отделка которых позволяет диагностировать возможную системность обработки и выделить возможные рабочие участки. В эту категорию попадает и группа мелких сколов, для которых нельзя исключать природный характер образования при раскалывании кремневых обломков и галек вследствие соударений, а также медиальные и дистальные фрагменты более крупных сколов, не имеющих остаточных ударных площадок.

Анализ коллекции показал, что форма и размер артефактов во многом определяются формой и размером естественных обломков, использовавшихся в качестве исходного сырья, которые, в свою очередь, обусловлены особенностями морфологии и генезиса кремня в этом районе. При этом важнейшим фактором, влияющим на утилизационные характеристики кремня, является многократное проявление крупных тектонических

нарушений, приводивших к появлению в его желваках скрытой трещиноватости [Деревянко и др., 2009].

Группа I – предметы с выраженным антропогенным воздействием, насчитывает 74 экз. По категориям, представляющим первичное расщепление, индустрия включает: нуклеусы – 2 экз. (оба ядрища имеют небольшие размеры и относятся к простым формам плоскостного однонаправленного раскалывания, при этом более крупный предмет несет следы использования двух плоскостей для расщепления с независимых площадок); колотые гальки – 9 экз.; сколы – 36 экз. (рис. 3, 1; 4, 5, 7); обломки – 25 экз.; осколки – 2 экз.

Из 74 предметов преобразованы в орудия 48 экз., в том числе: рубильце – 1 экз.; скребла – 5 экз. (рис. 3, 7; 4, 3); скреблышко – 1 экз. (рис. 3, 5); скребловидные – 5 экз.; нуклевидные скребки – 2 экз.; скребки атипичные – 9 экз. (рис. 3, 2–4; 4, 1, 4); шиповидные – 8 экз. (рис. 3, 6; 4, 2, 6); выемчатые – 9 экз. (рис. 3, 8; 4, 8); зубчато-выемчатое – 1 экз.; комбинированное орудие (скребло-выемчатое) – 1 экз.; обломки с ретушью – 3 экз.; осколки с ретушью – 2 экз.; обломок с нерегулярной ретушью – 1 экз.

Группа II – предметы с предполагаемым антропогенным воздействием, насчитывает 73 экз. По категориям, представляющим первичное расщепление, индустрия включает: нуклевидные обломки – 5 экз.; колотые гальки – 5 экз.; сколы – 46 экз., из них: крупные – 7, средние – 5, мелкие – 334; обломки – 16 экз.; осколок – 1 экз. По наличию следов вторичной обработки к категории орудий может быть отнесено 25 предметов, в том числе: скребло – 1 экз.; скребловидное – 1 экз.; скребки атипичные – 4 экз.; шиповидные – 7 экз.; клювовидные – 1 экз.; выемчатые – 2 экз.; сколы с ретушью – 3 экз.; обломки с ретушью – 6 экз. Необходимо отметить, что малая протяженность обработанных участков на всех изделиях и характер ретуши не позволяют однозначно говорить о ее антропогенном происхождении.

В целом раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 характеризуется большим количеством изделий малых размеров (~ 2–4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня,

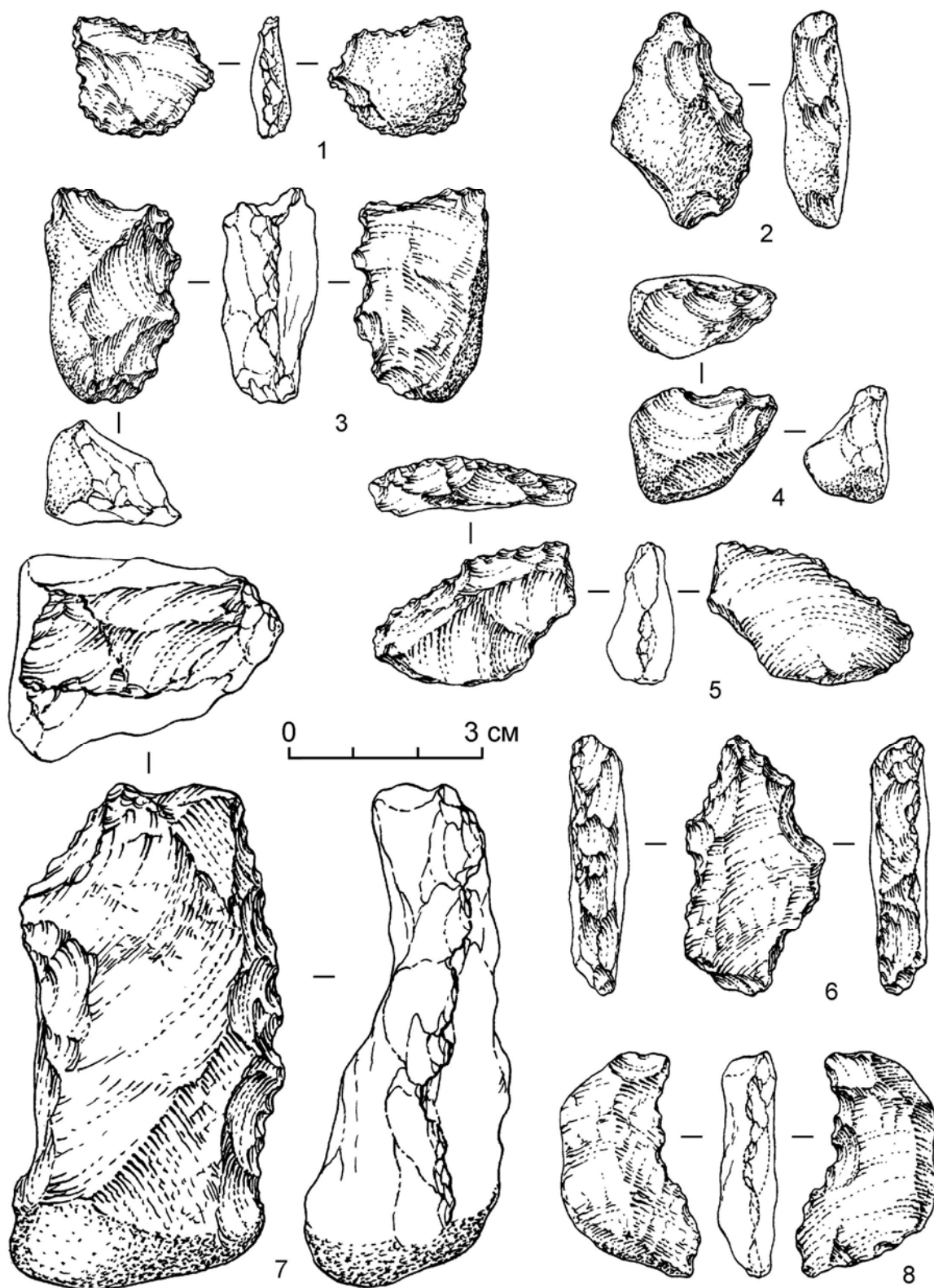

Рис. 3. Каменные артефакты группы I из слоя 5 раскопа 1 памятника Рубас-1 (художник А. В. Абдулманова): 1 – отщеп; 2–4 – атипичные скребки; 5 – скреблышко; 6 – шиповидное изделие; 7 – скребло; 8 – выемчатое изделие

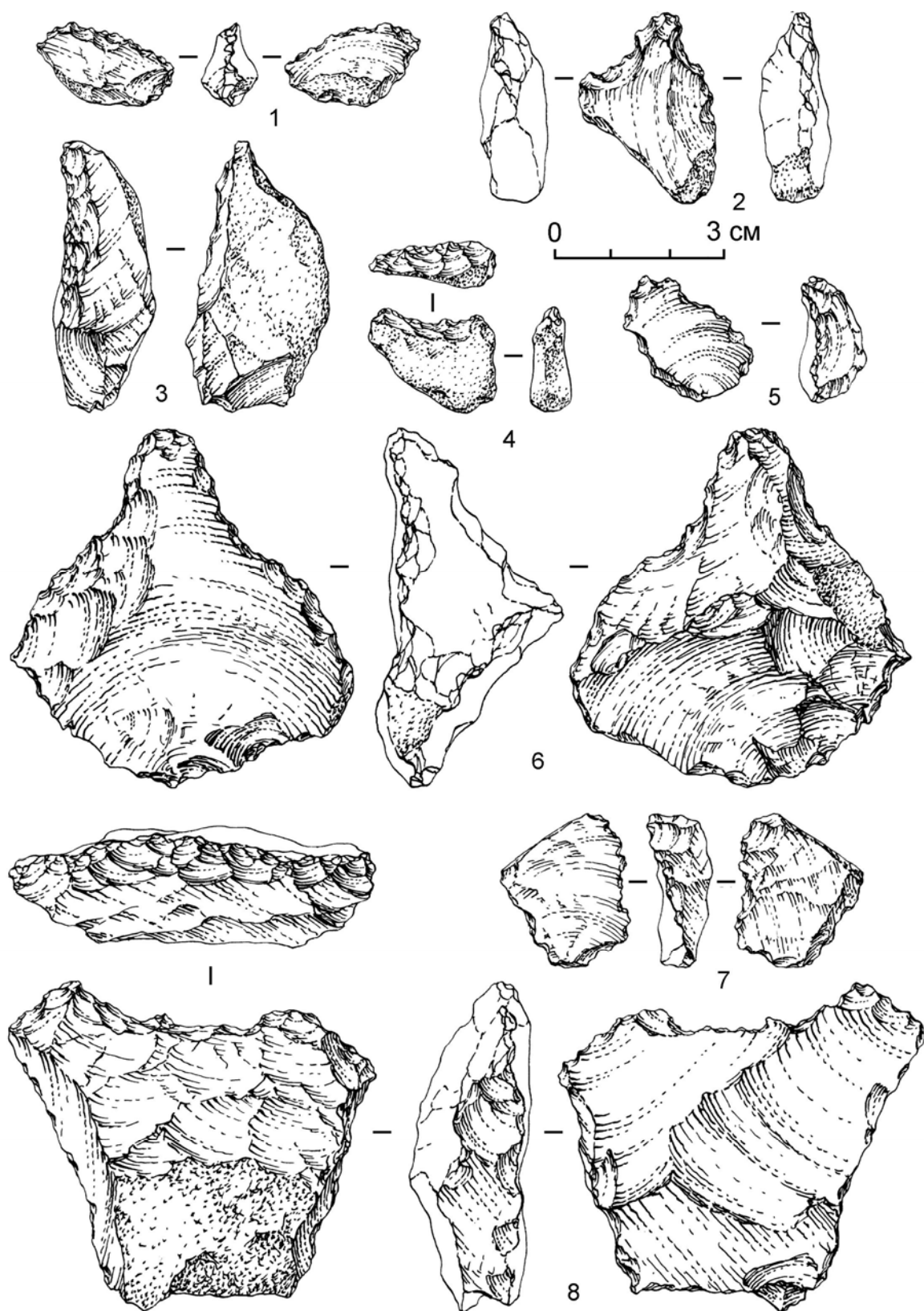

Рис. 4. Каменные артефакты группы I из слоя 5 раскопа 1 памятника Рубас-1 (художник А. В. Абдульманова): 1, 4 – атипичные скребки; 2, 6 – шиповидные изделия; 3 – скребло; 5, 7 – отщепы; 8 – выемчатое изделие

так и с использованием нестандартизированных заготовок, так как в большинстве случаев утилизировались несколовые основы (осколки, обломки). Вместе с тем при кажущемся разнообразии количество функциональных типов среди орудийных форм невелико. В основном это предметы с разнообразными выемками, шиповидными выступами и скребловидные изделия. Вторичная отделка осуществлялась преимущественно мелкими сколами и грубой, однородной, крутой и вертикальной ретушью. Изделия крупнее 4 см малочисленны – это сколы, скребловидные и выемчатые орудия, а также единичные нуклевидные формы. Предполагаемый на основании комплекса естественно-научных данных возраст вмещающих отложений и специфический характер артефактов позволяют отнести эти материалы к числу мелкоорудийных индустрий начальных этапов раннего палеолита. Согласно предварительным стратиграфическим оценкам возраста раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 является одной из древнейших археологических индустрий на Кавказе. Наиболее близкие аналогии с данными артефактами прослеживаются в материалах расположенной в 30 км от Рубаса-1 стоянки Дарвагчай-1, которая датируется $\approx 800\text{--}600$ тыс. л. н. (бакинское время, Q_{1b}) [Деревянко и др., 2009], что свидетельствует о длительном существовании раннепалеолитических индустрий с мелкоорудийными ассамбляжами на территории Северо-Восточного Кавказа.

Наиболее древние каменные ассамбляжи, размер изделий в которых позволяет относить их к микроиндустриям, известны в настоящее время в Восточной Африке, в нижнем течении р. Омо, на стоянках Омо-57 и Омо-123, возраст которых, по геологическим данным, определяется в 2,3–2,4 млн л. н. [Тогге et al., 2003]. Перечень изделий включает нуклеусы, сколы и их фрагменты, а также обломки и осколки, которые составляют до 85 % дебитажа. При этом длина нуклеусов и целых сколов не превышает 3 см, что определялось размерами исходного сырья, представленного мелкими галечками кварца, эффузивов и кремневых пород. Несмотря на миниатюрные размеры изделий на стоянках фиксируется три разновидности системы первичного расщепления: простое унифасиальное, бинаправленное мультифасиальное и частичное бифасиальное; дорса-

лы сколов в 20 % случаев несут негативы 3-х и более предыдущих снятий [Тогге, 2004]. Хотя индустрия Омо-57 и Омо-123 микролитична, в ней фиксируется набор технических приемов, образующих устойчивые системы расщепления, которые реализовывались даже на самом низкокачественном материале (кварц). При этом небольшие размеры исходного субстрата практически не влияли на степень утилизации. Интересно, что сырье высокого качества (кремневые породы) использовалось интенсивнее, и предметы из него в среднем имеют более мелкие размеры, чем из кварца [Тогге, 2004].

Таким образом, уже на самых ранних этапах возникновения технологий расщепления камня человек умел утилизировать сырье в рамках несложных устойчивых стратегий и был практически не ограничен размерами каменных отдельностей, так как получаемые продукты первичного расщепления не требовали сложных техник раскалывания или предварительной подготовки. Изначально миниатюрные размеры артефактов определялись, видимо, только размером исходного сырья. Это видно из общего анализа древнейших индустрий Восточной Африки (комплексы местонахождений в бассейнах Гона и Омо в Эфиопии), где наряду с уже упоминавшимися стоянками с мелким инвентарем хорошо представлены стоянки с предметами «обычных» размеров (3–7 см). Так, на самых ранних (из известных) стоянках EG-10, EG-12 и OGS-7 (возраст $\approx 2,5\text{--}2,6$ млн л. н.) средний размер ядрищ составляет 7–8 см, сколов – 4–5 см, а анализ первичного расщепления показывает использование 5 систем утилизации каменного сырья, в том числе совпадающих с системами расщепления на стоянках Омо-57 и Омо-123 [Semawa et al., 2003; Stout et al., 2010]. Подробный анализ этих древнейших комплексов позволил исследователям выявить определенные различия между ними, однако определить их причину – разная природная обстановка и сырьевая база или культурные различия – не позволил недостаток имеющейся информации. Тем не менее исследователи не исключили возможную культурную дивергенцию уже на самых ранних этапах возникновения каменных индустрий, хотя и остающуюся в неких общих рамках использования ограниченного числа технологических моделей.

Общий анализ древнейших индустрий, зафиксированных на стоянках Эфиопии и Кении, показывает их определенную технологическую однородность в плане знания и использования принципов расщепления камня [Togte, 2004; Stout et al., 2010]. С точки зрения морфологии, состав предметов в коллекциях и их пропорции близки. В ассамбляжах представлены нуклеусы, сколы, а также угловатые обломки и осколки. Ретушированных форм и каких-либо стандартизированных типов изделий нет. На всех стоянках фиксируется прием перманентного переноса расщепления на любую подходящую для этого плоскость до исчезновения на ядрище площадок с требуемым углом к плоскости скалывания, после чего утилизация нуклеусов прекращалась вне зависимости от их размеров, без какой-либо попытки подживления. При этом качество и размеры сырья играют определяющую роль в облике индустрий, позволяя, например, в Гона, осуществлять снятие с нуклеусов больших серий крупных сколов, в то время как в Омо гоминидам была доступна только мелкая, в основном кварцевая, галька, позволявшая получать лишь миниатюрные отщепы и дающая большое количество обломков. Тем не менее использованные в обоих комплексах технические схемы выглядят очень близкими и относятся к намеренным простейшим унифасиальным стратегиям расщепления, без использования приемов оформления и подживления ядрищ [Togte, 2004]. При этом скалывание производилось последовательно и было ориентировано на получение заготовок предполагаемого размера и формы, пригодных для дальнейшего использования.

Древнейшие африканские материалы демонстрируют уже на рубеже 2,5 млн л. н. наличие навыков, достаточных для осуществления довольно сложных технологических процессов и существование нескольких устойчивых технологических схем, применявшихся с разной частотой и в различных сочетаниях. Выбор определялся в первую очередь ограничениями, накладываемыми используемым сырьем, и, возможно, требованиями, предъявляемыми палеоэкологической обстановкой, что создавало предпосылки для дальнейшей культурной дивергенции. Кроме того, имевшихся навыков хватало, чтобы использовать сырье даже крайне небольшого размера в пределах 2–

3 см, а полученные в результате раскалывания артефакты использовались, несмотря на свои миниатюрные размеры. Древнейшие каменные ассамбляжи характеризуются наличием определенной системы в первичном расщеплении, но отсутствием серийности в конечных продуктах, невыраженностью форм, а также большим количеством отходов производства (осколки, обломки), возможно, получавшихся намеренно (техника дробления). Орудийный набор как таковой не был еще сформирован, ретуширование заготовок носило случайный характер.

На территории Евразии до последнего времени наиболее древним памятником с мелкоорудийными наборами эпохи раннего палеолита была стоянка Бизат Рухама (около 1 млн л. н.) [Zaidner et al., 2003]. В составе каменной индустрии памятника находятся предметы крайне небольших размеров: нуклеусы не превышают 3 см, сколы в среднем около 2 см. Первичное расщепление представлено простейшими формами ядрищ – простая унифасиальная техника при минимальной предварительной подготовке. Большую роль играют угловатые обломки, на которых выполнено значительное число орудий. Характерной особенностью индустрии является неустойчивость орудийных форм. Изделия группируются по очень общим характеристикам рабочих элементов, как то: наличие острого выступа, выемки и т. д. Выделяется четыре основные группы изделий – остроконечные, зубчато-выемчатые, скребловидные и прочие, куда включаются единичные ножи, резцы и тронкированные предметы. Основной прием оформления орудий – ретушь, в основном регулярная разноразмерная крутая и полукрутая [Burdukiewicz, Ronen, 2000; Zaidner et al., 2003]. Размеры изделий определяются размерами сырья, однако мелкий материал выбирался древним человеком сознательно. Сырье в окрестностях стоянки представлено галькой известняка и кремня (белый и темные разновидности). Галька белого кремня крупная, имеет размеры до 15 см (в среднем около 8 см), но отличается плохим качеством, и при расщеплении она не использовалась, так же как и известняк. Темный кремень, напротив, отличают хорошие «потребительские» свойства, однако его галька не превышает 7 см по длинной оси, имея средний размер ≈ 4 см [Zaidner, 2003; Zaidner et al., 2003]. Таким образом, древний

человек намеренно выбирал мелкий материал, делая акцент на его качестве. Вместе с тем предполагать, что миниатюрность изделий была определена именно культурными предпочтениями с полным основанием нельзя, так как хорошее сырье было только небольшого размера. Однако отсутствие крупных орудий при их возможном изготовлении, пусть и из сырья невысокого качества, свидетельствует о том, что мелкоорудийный технокомплекс полностью удовлетворял потребности древнего населения стоянки и, следовательно, мог существовать как самостоятельная культурно-технологическая традиция.

Индустрия Рубаса-1 при ее типологической невыраженности и наличии орудий, выполненных слабоорганизованной ретушью, занимает промежуточное хронологическое и технологическое положение между африканскими и ближневосточными мелкоорудийными комплексами. Особенности используемого каменного материала, а также наличие в коллекции крупных сколов и отдельных орудий «стандартных» размеров, не позволяют утверждать, что миниатюрность основной массы изделий определяется исключительно культурной традицией. Возможно, в определенной степени это связано с сырьевыми ограничениями. В данном контексте интересны некоторые древние раннепалеолитические комплексы Центральной Европы и Леванта, где в ассамбляжах наряду с мелкоорудийной составляющей присутствуют крупные изделия [Ronen, 2003; Foltyn et al., 2010].

Вместе с тем можно заключить, что уже на самых ранних этапах человеческой истории создавались предпосылки возникновения мелкоорудийных индустрий, которые, видимо, начинали формироваться как адаптационная реакция на ограничения, накладываемые размерами / качеством каменного материала.

Список литературы

Голубятников В. Д. Геология и полезные ископаемые третичных отложений Дагестана. М.; Л., 1940. 228 с.

Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 232 с.

Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбин Е. П. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 10. С. 65–69

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Борисов М. А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2011 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 29–33.

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Борисов М. А., Рудая Н. А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2008 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2008 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. 14. С. 42–47.

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Зенин В. Н., Лецинский С. В. Ранний палеолит юго-восточного Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 124 с.

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Лецинский С. В., Славинский В. С., Борисов М. А. Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 12. С. 65–70.

Замятнин С. Н. Изучение палеолитического периода на Кавказе в 1936–1948 гг. // Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л., 1950. Вып. 2. С. 135–136.

Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. 224 с.

Лецинский С. В., Коновалова В. А., Бурканова Е. М., Бабенко С. Н. Обоснование относительного возраста раннепалеолитических местонахождений Дарвагчай-1 и Рубас-1 (Южный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 140–149.

Найдина О. Д. Палинокомплексы верхнего плиоцена Предкавказья и Прикаспия // Бюл. МОИП. Отд. геол. 1991. Т. 66, вып. 1. С. 1301–1331.

Рудая Н. А. Палинологическая характеристика памятника Рубас-1 // Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012.

Филиппова Н. Ю. Палинология верхнего плиоцена – среднего плейстоцена юга Каспийской области. М.: ГЕОС, 1997. 164 с.

Burdukiewicz J. M. Technokompleks mikro-lityczny w paleolicie dolnym środkowej Europy. Wrocław: WERK, 2003. 374 p.

Burdukiewicz J. M., Ronen A. Ruhama in the Northern Negev Desert. A New Microlithic Site of Lower Palaeolithic in Israel // Praehistoria Thuringica. 2000. Vol. 5. P. 32–46.

Foltyn E., Foltyn E. M., Jochemczyk L., Nawrocki J., Nita M., Waga J. M., Wójcik A. The Oldest Human Traces North of the Carpathians (Konczyce Wielkie 4, Poland) // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. P. 1886–1897.

Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant / Eds. J. M. Burdukiewicz, A. Ronen. BAR International Series. № 1115. Oxford, 2003. 239 p.

Ronen A. The Small Tools of Evron Quarry, Western Galilee, Israel // Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant / Eds. J. M. Burdukiewicz, A. Ronen. BAR International Series. No. 1115. Oxford, 2003. P. 113–120.

Semawa S., Rogers M. J., Quader J., Rened P. R., Butler R. F., Rodrigof M. D., Stout D., Hart W. S., Pickering T., Simponi S. W. 2.6 Million Year Old Stone Tools and Associated Bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia // Journal of Human Evolution. 2003. Vol. 45. P. 169–177.

Stout D., Semaw S., Rogers M. J., Cauche D. Technological Variation in the Earliest Oldowan from Gona, Afar, Ethiopia // Journal of Human Evolution. 2010. Vol. 58. P. 474–491.

Torre de la I. Omo Revisited. Evaluating the Technological Skills of Pliocene Hominids // Current Anthropology. 2004. Vol. 45. No. 4. P. 439–465.

Torre de la I., Mora R., Dominguez Rodrigo M., Luque de L., Alcalá L. The Oldowan Industry of Peninj and Its Bearing on the Reconstruction of the Technological Skills of Lower Pleistocene Hominids // Journal of Human Evolution. 2003. Vol. 44 (2). P. 203–224.

Vértesszőlős: Site, Man and Culture / Eds. M. Kretzoi, V. T. Dobosi. Budapest: Akademia Kiado, 1990. 556 p.

Zaidner Y. The Use of Raw Material at the Lower Palaeolithic Site of Bizat Ruhama, Israel // Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant / Eds. J. M. Burdukiewicz, A. Ronen. BAR International Series. No. 1115. Oxford, 2003. P. 121–132.

Zaidner Y., Ronen A., Burdukiewicz J. M. The Lower Palaeolithic Microlithic Industry of Bizat Ruhama, Israel // L'anthropologie. 2003. Vol. 107. P. 203–222.

Материал поступил в редколлегию 23.01.2013

A. A. Anoykin, A. G. Rybalko

THE LOWER PALAEOLITHIC INDUSTRIES OF SEASIDE DAGESTAN (ON MATERIALS OF RUBAS-1 SITE)

The Rubas-1 is situated on the right bank of the Rubas River (Seaside Dagestan). Archaeological works here has begun in 2006. A thin gravel and pebble layer (No. 5) bearing some flint rocks was discovered at the depth of 16 m; some pieces of flint demonstrate signs of artificial flaking. In the course of works, the excavation area was extended and reached approximately 200 m² at the level of the lowest culture-bearing layer (No. 5). In 2006–2012, artifact complex (147 flints) was found in the gravel-pebble layer 5, which appears to have formed in the breaker zone of the ancient beach during the initial stage of sea transgression. The composition of paleontological and palynological dates together with the noted lithological features suggests that sedimentation took place in the brackish sea water during the Akchagyl period of the Late Pliocene (N₂^{3ak}). In general, the Lower Paleolithic technocomplex of Rubas 1 site is characterized by small artifacts size, poorly expressed typological features, and variability of tool shapes. The preliminary age estimate of the sediments together with specific features of major categories of typologically distinct artifacts makes it possible to attribute the Rubas-1 collection to the industry of small tools of the early Lower Palaeolithic.

Keywords: Dagestan, Lower Palaeolithic, small tool complexes, Pleistocene, sea transgressions, palynology, paleontology.